

1968: «АПОКАЛИПСИС У ВОРОТ», «СОЦИАЛИЗМ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ» И СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

В.С. Савчук, Р.С. Айриян

Беги, товарищ, за тобой старый мир!

(один из лозунгов Красного мая 1968 г.)

Аннотация. Статья открывает номер журнала, в котором ведущей темой является «проблема 1968 года». По мнению авторов, даже спустя полвека после знаменательных событий, всколыхнувших едва ли не весь мир (от Парижа до Праги, от США и Мексики до Китая), исследователи не только резко расходятся в трактовке этого явления (что, впрочем, типично для оценки большинства серьезных проблем), но и по-разному видят сам масштаб случившегося. Вероятно, целесообразно изучать, по меньшей мере, три аспекта данной проблемы: во-первых, необходимо проанализировать и оценить эти события «сами по себе», попытаться реконструировать, «как это в действительности происходило»; во-вторых, важно проследить, как воспринимали эти события современники и как они трансформировались в памяти последующих поколений; наконец, интересно изучить отражение и воздействие событий 1968 года на мировую культуру, включая как ее «высокие» достижения (в сфере философии, историографии, литературы и искусства), так и ее повседневные практики (в сфере морали и религии, семейных и сексуальных отношений и пр.). В редакционной статье дан обзор-наиболее существенных факторов, повлиявших на события 1968 года — как идейных, так и социально-политических, а также поставлен вопрос о самом характере этого движения.

Ключевые слова: проблема 1968 года, молодежный протест, Красный май, сексуальная революция, социализм с человеческим лицом, историческая память, наследие 1968 года.

Савчук Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, v.s.savchuk@mail.ru.

Айриян Радмила Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, rsayriyan@sfedu.ru.

1968: “APOCALYPSE AT THE GATE”, “SOCIALISM WITH A HUMAN FACE” AND THE SEXUAL REVOLUTION?

V.S. Savchuk, R.S. Ayriyan

Run, comrade, the old world is behind you!

(One of the slogans of the Red May 1968)

Abstract. The article opens the journal issue, in which the leading theme is “the problem 1968”. Although half a century has passed since the significant events that have stirred up almost the entire world (from Paris to Prague, from the U.S. and Mexico to China), in the opinion of the authors, still researchers not only sharply diverge in their interpretation of this phenomenon, which, however, is typical for the assessment of most serious problems, but also have different views on the “scale” of the 1968 events. Probably at least three aspects of this problem are advised to study: first, it is necessary to analyze and evaluate these events “by themselves”, to try to reconstruct (remember the famous words of Leopold von Ranke!), “how it really happened”; second, it is important to follow how these events were perceived by contemporaries and how they were transformed in the memory of subsequent generations; finally, it is interesting to study the reflection and impact of the 1968 events on world culture, including both “high” achievements (in the field of philosophy, historiography, literature and art) and everyday practices (in the field of moral and religion, family and sexual relations, etc.). The editorial article reviews the most significant factors, as the authors believe, that influenced the events of 1968, both ideological and socio-political, and also raises the question about the nature of this movement.

Keywords: 1968 problem, youth protest, Red May, sexual revolution, socialism with a human face, historical memory, the heritage of 1968.

Savchuk Vyacheslav S., Candidate of Science (History), Associate Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, v.s.savchuk@mail.ru.

Ayriyan Radmila S., Candidate of Science (History), Associate Professor, Chief of Department of World History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, rsayriyan@sfnu.ru.

Прошло полвека со знаменательных событий 1968 года, но и сегодня они рассматриваются и оцениваются совершенно по-разному, и сегодня политические позиции, философские убеждения, эстетические и этические предпочтения нередко оказывают определяющее воздействие на понимание «проблемы 1968 года». Впрочем, это можно сказать о трактовке едва ли не любого масштабного социального явления. И поэтому удивляет больше другое обстоятельство: сколь различным представляется сам масштаб событий 1968 года историкам, философам и культурологам разных направлений, различной политической ориентации.

Вероятно, «феномен 1968 года» столь необычен, что ставит в тупик многих исследователей, особенно тех авторов, кто привык четко определять «классовую сущность» и «социальный состав участников» общественных потрясений. Неслучайно Славой Жижек, несколько эпатуруя в свойственном ему стиле потенциального читателя, назвал одну из глав своей книги, вышедшей в 2009 г. и почти сразу переведенной на русский язык, следующим образом: «Апокалипсис у ворот, или В 1968 году структуры расхаживали по улицам — повторится ли такое?» Тем самым автор «отсылает» нас к спору своего оппонента (и одновременно — духовного кумира!) Жака Лакана с непосредственными участниками парижских событий 1968 года, полагавшими, что «нельзя объяснить крупные демонстрации студентов и рабочих 1968 года с точки зрения структуриализма» [Жижек, 2011, с. 265].

Нам представляется, что «проблему 1968 года», «года, который потряс мир» [см.: Курлански, 2008], можно и нужно изучать, по меньшей мере, с трех точек зрения. Во-первых, эти события, драматичные и непредсказуемые, столь внезапно, казалось бы, возникшие и распространившиеся едва ли не по всей планете, интересны «сами по себе», поскольку подобный феномен вряд ли еще повторится. Во-вторых, важно проанализировать, каким было восприятие этих событий их участниками и, рассматривая проблему шире, современниками, как трансформировалась «память о 1968 годе» в последующие десятилетия, вплоть до сегодняшнего дня. Наконец, третий аспект «проблемы 1968 года»: отражение этих событий в исторической науке, политологии и философии, литературе и искусстве. Только при таком подходе мы сможем понять, в какой мере 1968 год затронул историческое сознание «обычного» человека, живущего уже в начале XXI в.

При попытке рассмотрения многообразной (исследовательской, научно-популярной, учебной, пропагандистской и пр.) литературы о событиях 1968 года сталкиваешься с тем, что анализ этой, по нашему мнению, комплексной проблемы искусственно «дробится» и превращается в совокупность пусть даже вполне обоснованных и по-своему глубоких, но отдельных, порой разбросанных по тексту обобщающих нарративов, суждений и выводов. Так, и это весьма характерно, представлена интересующая нас проблема в новейшем академическом издании «Всемирной истории» [Всемирная история, т. 6, кн. 1–2, 2017–2018]. Во Введении к 6-му тому («Глобальный XX век») о ней ничего не говорится, три абзаца посвящено этой проблеме в главе «Социальные трансформации и социальные движения» (в параграфе «Молодежный протест и “новые социальные движения”»), отдельные

упоминания есть в главе «Языки культуры второй половины XX века»; наконец, чуть более обстоятельно «проблема 1968 года» рассмотрена в главах второй книги 6-го тома «Восточная Европа: становление, расцвет и демонтаж системы» (авторы – А.С. Стыкалин и В.В. Волобуев) и «Западная Европа: демократизация, интеграция, социальное развитие» (автор – О.Ю. Пленков) [Всемирная история, т. 6, кн. 2, с. 283–296, 341–345]. В ряде работ, посвященных 1968 году как глобальному феномену, дается всего лишь обзор по стране или региону [Fink, 1998; Tismaneanu, 2011] или 1968-й рассматривается в качестве кульминационного года событий, длившихся два десятилетия [Marwick, 1998; Horn, 2007]. Рационально такой подход можно объяснить двояко: либо исследователи не придают важного значения событиям 1968 года, либо они излишне озабочены противоречивостью того, что происходило полвека назад, и не решаются дать целостную характеристику «проблеме 1968 года». Мы полагаем верным, пожалуй, второе предположение.

Действительно, трудно объяснить, почему в самых разных и отдаленных друг от друга регионах земного шара (от США и Мексики до Франции, ФРГ, Польши и Чехословакии) в одном и том же году происходят социальные потрясения, неразрывно связанные с политическими сдвигами и сменой культурных, в том числе бытовых, ориентаций и повседневных практик? В этой связи: *первое*, что поражает при знакомстве с «проблемой 1968 года» – это неспособность опытных, даже выдающихся политиков предвидеть ближайшие события в собственной стране, а когда эти события начинают, и весьма драматически, разворачиваться, – связывать происходящее с внешними влияниями, сводить объяснение к пресловутому «всемирному заговору». Не удивительно, когда это делают советские руководители, склонные объяснять любые неудачи «происками империалистических сил», но очень странно, что в чем-то похожую позицию занимал и генерал Шарль де Голль. Ни президент Франции, уверенно и слегка высокомерно встречавший Новый 1968 год, ни даже его американский коллега Линдон Джонсон, казалось бы, уже несколько лет «погрязший» в войне против Вьетнама, ни неуклонно, хотя постепенно и почти бесконфликтно, формирующий, как и все коммунистические лидеры, свой «культ личности» Леонид Брежнев – никто из них не предполагал, какие осложнения принесет наступивший 1968 год.

Второе, что хотелось бы отметить – это *утрата доверия* со стороны значительной части населения самых различных стран мира не только к отдельным, в том числе очень известным и авторитетным, политикам, но и к власти вообще, к едва ли не всем устоявшимся политическим институтам и политическим партиям. Даже те партии левого толка, которые должны были выражать поддержку «бунтующим» и направлять их социальный протест (как еще недавно столь влиятельная Французская коммунистическая партия), в 1968 году явно были не в состоянии выразить устремления и чаяния поднявшихся на борьбу людей, особенно студенческой молодежи. Будучи обычно оппозиционными, они уверенно занимали сложившуюся в течение десятилетий политическую нишу и не собирались резко изменять правила политической игры, не стремились к объединению с разного рода «левацкими» и

анархическими группировками. Это объясняется не только тем, что левые партии «обюрократились» и «обуржуазились», но в не меньшей мере тем, что они просто напросто растерялись в необычной социальной обстановке весны 1968 года. Как более или менее прилежные ученики, они из года в год повторяли одни и те же «программные требования», четко обозначенные и на различных уровнях согласованные «экономическую» и «политическую» платформы. А общество изменилось, ибо после окончания Второй мировой войны выросло целое поколение, для которого сама иерархия ценностей была принципиально иной.

Поэтому, анализируя события 1968 года, надо иметь в виду, что привычные социально-экономические требования (повышение заработной платы, меры против безработицы, улучшение социального обеспечения и пр.), хотя и не отодвинулись совершенно на задний план, но далеко не исчерпывали устремлений поднявшихся на борьбу за свои права людей. И сегодня трудно согласиться с авторитетным мнением В.П. Смирнова о том, что «в мае-июне 1968 г. кризисные явления привели к крупнейшему взрыву классовой борьбы» [Смирнов, 1979, с. 346]. Ведь среди студенческой молодежи, чьи выступления во многом определили «Красный май» в Париже и других городах Франции, преобладали выходцы из достаточно обеспеченных семей¹. И боролись они отнюдь не со своими «эксплуататорами», представителями господствующего класса, как привычно интерпретировали события 1968 года некоторые историки-марксисты, а яростно выступали за *изменение самого образа жизни*, всей системы взаимоотношений в современном обществе. Прежде всего, конечно, отношений между властью, государством и рядовыми членами общества, но также — отношений между преподавателями и студентами, родителями и их детьми, между мужчинами и женщинами, в том числе и между супругами, и пр. Все это развивалось в ситуации биполярного мира, когда соперничество сверхдержав порождало особую связь между внутривнутриполитическими событиями и мировыми процессами. По мнению исследователей феномена 1968 года Кэрл Финк, Филиппа Гассерта и Детлифа Джанкера, в результате сложного комплекса отношений, существовавших в мировой системе, «фундаментальные сдвиги на местном, национальном или глобальном уровнях резонировали друг с другом и вырастали из них». [Fink, 1998, p. 2]. Ситуация разобщенности мира и угроза ядерной войны вызывали раздражение и опасение у нового поколения. Они верили в общее дело борьбы за свободу, справедливость и самоопределение посредством противостояния сложившемуся status quo на Западе и Востоке. Поэтому многообразие источников возмущения ведет, по мнению социологов Л. Болтански и Э. Кьяпелло, к формированию двух видов критики — художественной и социальной. Художественная критика часто выражалась в терминах *отчуждения*. «С одной стороны, разочарованность, неподлинность, “убогость повседневности”, дегуманизация жизни в результате техницизации и технократизации, а с другой стороны, утрата независимости, отсутствие

1 По статистике, только 9,9% студентов во Франции были выходцами из рабочей семьи; 6,6% — из фермерской среды, 8,5% — из семей владельцев маленьких магазинов и служителей культа, 14,9% — из предпринимательской среды, 15,8% — дети учителей и управленцев среднего звена, а 29,3% — из семей управленцев высшего звена (топ-менеджеров) и лиц свободных профессий [Singer, 2002, p. 52].

креативности и разные формы притеснения в современном мире. Свидетельством этому в сфере семейных отношений является усиление требований, цель которых — преодоление традиционных форм домашнего контроля (“патриархальной организации”), то есть освобождение женщин и эмансипация молодежи» [Болтански, Кьяпелло, 2011, с. 303].

Подобный характер социального противостояния в 1968 году подтверждает ту мысль, с которой не хотели соглашаться ни большинство официальных идеологов в странах так называемого «социалистического лагеря», ни многие представители давно сформировавшихся «левых» политических партий в странах Запада: классовые антагонизмы, о которых писали К. Маркс и Ф. Энгельс в середине и второй половине XIX в., социальные бедствия, известные всем по романам Ч. Диккенса или Э. Золя, в прежнем виде на Западе уже не существуют. Пролетариат утратил прежние позиции, и рассчитывать на его революционную роль ныне не приходится. А следовательно, не может произойти и та социальная революция, которую «ожидали» теоретики официозного марксизма-ленинизма. Новой исторической эпохе в гораздо большей мере соответствуют не «старые левые», то есть коммунистические и социал-демократические партии, а т.н. «новые левые» (термин начали использовать английский историк, «критический марксист» Перри Андерсон, американский социолог Чарльз Райт Миллс и др.). Представители этого нового направления в политике исповедовали некое сложное (чтоб не сказать — путаное!) политическое и философское мировоззрение, в котором положения Маркса (часто — сквозь их восприятие Л.Д. Троцким и А. Грамши, Мао Цзэ-дуном и Эрнесто Че Геварой) переплетались с анархистскими взглядами и идеями более близких молодежи 60-х гг. философов Франкфуртской школы и Герберта Маркузе, а также Жана-Поля Сартра и Симоны де Бовуар. Может быть, не случайно хронологически почти совпал с событиями 1968 г. выход в свет труда Мишеля Фуко «Слова и вещи» (на языке оригинала — в 1966 г.), где французский мыслитель писал: «Прежде чем предписывать и предначертывать будущее, прежде чем призывать или просто настораживать, мысль и само ее существование, начиная от самых ранних форм, является уже действием, и действием опасным. [...] Пожалуй, не замечают этого лишь те, кто в глубочайшем недомыслии утверждает, что философия без политического выбора невозможна, что всякая мысль является либо “прогрессивной”, либо “реакционной”. Глупость их — в предположении, будто всякая мысль “выражает” классовую идеологию; а невольная их глубина — в том, что они прямо и непосредственно указывают на современный способ бытия мышления» [Фуко, 1977, с. 421].

Суждения Мишеля Фуко перекликаются с идеями его старшего современника Герберта Маркузе, опубликовавшего в 1964 г. (тоже незадолго до «Красного мая» 1968 г.!) книгу «Одномерный человек» [см. рус. пер.: Маркузе, 1994]. Немецко-американский философ спорит и с Марксом, и с его последователями в Советском Союзе. По мнению Маркузе, ни на Западе, ни на Востоке не осталось «героев», людей, действующих по собственному выбору. Решающая роль рабочего класса — это не более чем иллюзия, ибо классов в марксовом понимании ныне нет.

Сознание «одномерного человека» на Западе находится под гипнозом средств массовой информации, которые формируют «ложные потребности» и «культ потребления». В этой ситуации «двигателями революции» становятся представители маргинальных слоев общества, а также авангардной культуры, превращающейся в «контркультуру». Главное, что могут предложить такие люди, — это едва ли не *тотальный отказ от всей системы ценностей современного «общества потребления», неприятие власти, какой бы она ни была, и существующих политических институтов*. В Советском Союзе, полагал Г. Маркузе, более жесткий и более явный, чем на Западе, идеологический диктат приводит к отчуждению, прежде всего — творчески мыслящих людей. События 1968 года были проанализированы Гербертом Маркузе в вышедшей в 1972 г. книге «Контрреволюция и бунт», в которой он не только констатирует ограниченность социальной базы студенческого движения, «революционеров 1968 года», но и обращает внимание на меры, которые предприняла власть во Франции и других странах, называя эти действия властей «превентивной контрреволюцией».

Другим мыслителем, чьи идеи и даже действия в известной мере определили «Красный май» в Париже, был Жан Поль Сартр. Один из самых знаменитых на Западе «левых» интеллектуалов, он активно выступал против любого насилия и несправедливости, будь то подавление венгерского восстания 1956 г., идея «французского Алжира» или военные преступления во Вьетнаме (наряду с английским мыслителем Бертраном Расселом участвовал в их расследовании и произнес известную речь с осуждением геноцида). Сартр не только симпатизировал выступлению парижских студентов; в определенной мере он стал символом молодежного движения 1968 года. Когда «бунтовщики» захватили Сорбонну, они впустили в здание университета только Сартра. Студенты даже предложили учредить премию его имени за лучшее эссе на тему свободы и гуманизма, но Сартр отказался от подобной чести (как он ранее отказался и от Ордена Почетного легиона, и от Нобелевской премии по литературе). Характерно, что когда власти решили навести порядок в Сорбонне и задержали многих участников движения, в том числе Ж.П. Сартра, на это откликнулся сам Президент Франции Шарль де Голль, произнеся ставшую знаменитой фразу: «Вольтера арестовать мы не сможем» [цит. по: Курлански, 2008, с. 315].

Анализируя события 1968 года, нельзя не обратить внимания на переплетение политических и экономических требований с борьбой за равноправие полов, со стремлением пересмотреть ставшие уже анахроническими традиции в сфере сексуальных и семейных отношений, воспитания детей и пр. В этой связи надо подчеркнуть своеобразие французского феминистского движения, в котором большую роль играли философы и писатели, например Симона де Бовуар. Происходившая из старинного аристократического рода (ее предки прослеживаются вплоть до XII века!) и получившая в детстве строгое католическое воспитание, она уже в юности порвала со многими прежними традициями, а позже, блестяще образованная, стала символом социального и сексуального раскрепощения европейской

женщины. Написанный ею в 1949 г. трактат «Второй пол» [см. рус. пер.: Бовуар, 2017] стал чуть ли не библией феминистского движения (теории «тела» вообще занимали важное место в идейном «багаже» французского феминизма). Ее литературные произведения, сама ее жизнь (свободный многолетний союз с Жаном Полем Сартром и многочисленные сексуальные связи — и не только с мужчинами) вызывали и восторг, и осуждение современников. Вслед за Сартром Бовуар признавала, что «существование предшествует сущности», а следовательно, настоящей женщиной не рождаются, а становятся! Подобные идеи, к тому же выразившиеся в экспрессивной и метафорической форме, падали на уже подготовленную прежним поколением участников феминистского движения почву.

Колоритной фигурой движения 1968 года в Западной Европе стал Даниэль Кон-Бендит, родившийся во Франции в семье немецких евреев и связанный со студенческим протестом как во Франции, так и в ФРГ. Он стал знаменитым после шокирующего диалога с министром по делам молодежи, который приехал в университет в Нантере (на окраине Парижа). Попросив у министра прикурить, Кон-Бендит задал ему вопрос по поводу «половой проблемы». Ответ министра и последующая реплика «рыжего студента» вошли в историю: «Неудивительно, что студента с такой физиономией, как у вас, волнует эта проблема. На вашем месте я бы утопился!». — «Вот ответ, достойный гитлеровского министра по делам молодежи» [цит. по: Курлански, 2008, с. 309]. Через двадцать лет Д. Кон-Бендит будет ностальгически вспоминать события «Красного мая» в своей книге «Мы так ее любили, Революцию», изданной на французском языке. К этому времени он, как и многие активисты 1968 года, проделает существенную мировоззренческую и политическую эволюцию: будучи заметным деятелем «партии зеленых» во Франции и ФРГ, станет в 1994 г. вполне уважаемым депутатом Европарламента от этого движения.

Французское леворадикальное движение конца 60-х гг., получившее обобщенное название *гошизм* (*фр. gauchisme*), не было единым и распалось на несколько течений, из которых наиболее влиятельными были анархическое и троцкистское. Не останавливаясь на анализе различий в идеологии и тактике различных группировок «революционеров 1968 года» во Франции и специфике протестного движения в других странах Европы (ФРГ, Бельгии и др.), обратим внимание на тот аспект, который исследует Лоран Тевено в своей статье «Вверх дном: сообщество и личность в дискурсивных кульбитах Мая 1968-го» [Антропология революции, 2009, с. 242–293], — роль словесного и изобразительного творчества в событиях во Франции, причем не только в мобилизации участников движения, но и в сохранении впоследствии памяти о «Красном мае».

Левые интеллектуалы, поэты и музыканты сыграли существенную роль и в развитии социального протеста в США в 1968 г. При этом надо учитывать, что своеобразным катализатором американской контркультуры 60-х гг. стало творчество представителей старшего, т.н. «бит-поколения» — в первую очередь Джека Керуака, Аллена Гинзберга и Уильяма Берроуза. Неприятие ими ханжеской морали и официальной культуры, поиски собственного нравственного идеала — все

это так или иначе откликнулось в творчестве поколения 60-х гг. Как известно, одним из его харизматичных лидеров был поэт и музыкант Джим Моррисон, лидер группы «The Doors». Его короткая жизнь, как и его творчество, очень характерны для «протестного» поколения конца 60-х гг.: выходец из семьи, занимавшей солидное положение в американском обществе (отец позже был адмиралом), студент университета, изучавший творчество Иеронима Босха, хорошо знавший поэзию Уильяма Блейка и Артюра Рембо, проявлявший интерес к культуре американских индейцев и философии Фридриха Ницше, Дж. Моррисон идет на разрыв с родителями, отказывается от возможной академической карьеры и создает рок-группу, мелодии которой в 1967 г. уже возглавляют хит-парад. Другим поэтом и музыкантом, ставшим «голосом поколения» второй половины 60-х гг. (а примерно через полвека и лауреатом Нобелевской премии по литературе!), был Боб Дилан. В самом начале 1968 г. появился его новый альбом, и вскоре журнал «Тайм» дал творчеству Б. Дилана такую оценку: «Его новые песни просты, они спеты тихим голосом; они напоминают нам о бродягах и “хобо”; в них акцентируется внимание на моральных проблемах, часто с религиозными обертонами» [цит. по: Курлански, 2008, с. 38]. А 21 января многие «звезды», в том числе Леонард Бернстайн, Пол Ньюмен, Барбара Стрейзанд, Томми Смотерс, решили принять участие в эксклюзивной концертной программе в зале Нью-Йоркской филармонии «Бродвей за мир, 1968». Но все же можно, вероятно, констатировать, что главными факторами, определявшими протест в США во второй половине 60-х гг., являлись не нравственно-религиозные и социальные искания деятелей контркультуры, а вполне определенные и все нараставшие требования двоякого рода – борьба за гражданские права и возмущение преступной войной во Вьетнаме. В 1968 г. эти две линии политического противостояния в американском обществе если и не пересеклись, то во всяком случае каждая из них достигла своего апогея. Гибель во Вьетнаме в 1967 г. 9353 американцев всколыхнула США не меньше, чем убийство Мартина Лютера Кинга 4 апреля 1968 г.

Анализ событий 1968 г. неизбежно заставляет задуматься над целым рядом вопросов более общего порядка. Обратим внимание на два из них. Многие – и ученые, и журналисты – пишут о том, что важнейшую роль, наряду с проблемами социально-политического и экономического характера, сыграл также демографический фактор и, если можно так выразиться, «технологический». С одной стороны, на сцену политической жизни вышло поколение молодых людей, родившихся в 1945–1950 гг., не знавших войны и не являвшихся приверженцами прежних «устоев». Им претила та система социально-иерархизированных «ценностей», которая продолжала господствовать в западном обществе. С другой стороны, именно в конце 60-х гг. появились новые информационные технологии, в частности – возможность передачи телевизионного репортажа в прямом эфире из самых разных частей земного шара. Если раньше телевизионные службы редактировали информацию, исключая то, что им казалось «несвоевременным» или даже «вредным» для показа в своей аудитории, то теперь прямой эфир позволял жителям США, Европы или Юго-Восточной Азии одновременно наблюдать, что происходит в Париже, Чикаго

или Южном Вьетнаме. Возникает вопрос: не было ли такое сочетание факторов (студенческие «бунты» в Европе, борьба за гражданские права и протест против вьетнамской войны в Америке, выход на политическую арену нового поколения, новые технологические возможности СМИ и пр.) в известной мере случайным? Ведь нам известны многие технические аварии (например, на Чернобыльской АЭС), ставшие катастрофой из-за трагического сочетания редко совпадающих ошибок. Во всяком случае, по нашему мнению, анализ «проблемы 1968 года» позволяет вновь переосмыслить давно известный, но «недооцененный» вопрос о роли случайного, уникального и даже хаотического в истории.

Другая проблема теоретического характера, которой так или иначе касаются многие авторы, в том числе и на страницах нашего журнала, это вопрос о том, можно ли квалифицировать события 1968 года как революцию — и если можно, то что же это за революция была? Молодежная? Культурная? Сексуальная? Не повторяя того, что сказано в статье А. В. Шубина, в материалах дискуссии по ведущей теме данного номера журнала, хочется привести и некоторые иные суждения авторитетных авторов. Известный российский философ Александр Пятигорский в 1995 г. в беседе с Игорем Смирновым, автором работ по философии истории, рассказывает, как в своем единственном разговоре с М. Фуко «спросил его, что произошло (в 1968 г. — Р.А., В.С.). Он ответил одной, мне кажется, очень точной для себя фразой: “Все это сводилось к тому, чтобы не делать настоящей революции”. Значит, это должно было произойти каким-то другим образом» [Пятигорский, 1996, с. 330]. И далее следуют размышления о революции самого А. М. Пятигорского: «Мне кажется, революция вообще со стороны культуры не делается — настоящая революция. Фуко не имел этого в виду. Он, конечно, как и все люди его поколения, был абсолютно культуropомешан. Более того, я думаю, что по своим симпатиям он был революционером. [...] Если говорить об американских шестидесятниках, то они использовали старого идеолога революции Маркузе, который никак по своей истории и возрасту к шестидесятникам относиться не мог. Они использовали его в порядке выработки идеальной революционной идеологии. Но революционная идеология не может быть выработана идеально. Это другой, чрезвычайно интересный вопрос. Идеология становится революционной идеологией только тогда, когда революция уже совершается исторически. Все остальное — чушь полная» [Пятигорский, 1996, с. 330–331].

Спустя сорок лет иначе оценивает события 1968 г. мексиканский историк Карлос Антонио Агирре Рохас. Называя этот год важнейшим «переломным событием» в истории, он пишет: «Сегодня ясно, что раскол 1968 года произошел на мировом уровне, а также то, что, по сути, движение 1968 года — какие бы формы оно ни принимало в различных странах мира, отражая, разумеется, исторические и национальные особенности каждого данного региона, — является подлинной культурной революцией» [Рохас, 2008, с. 89]. По мнению К. А. А. Рохаса, протесты на Западе, в странах социализма и «третьего мира» имеют общее: «Все они пытаются оспорить и изменить главным образом логику функционирования и саму форму выражения

действовавших в то время способов управления» [Рохас, 2008, с. 90]. Мексиканский профессор считает возможным называть события 1968 года «подлинной революцией, которая, по сути, является революцией культурной» и делает вывод: «1968 год изменил природу и основную функцию трех главных институтов современной культуры: семьи, школы и СМИ» [Рохас, 2008, с. 90–91].

1968 год оказался знаменательным и для стран Центральной и Восточной Европы, но события в них развивались по-разному. В Польше обострился конфликт партийного руководства во главе с В. Гомулкой не только с либерально настроенной интеллигенцией, но и с более широкими кругами польского общества. Воспользовавшись международными обстоятельствами (победой Израиля над коалицией арабских государств в войне 1967 г.), Гомулка развернул в собственной стране антисемитскую кампанию. Напротив, пришедший в 1968 г. к руководству Коммунистической партии Чехословакии А. Дубчек, сменив на этом посту А. Новотного, поддержал реформаторские усилия интеллектуалов. В стране фактически была упразднена цензура, в ходе свободных дискуссий обсуждались перспективы развития чехословацкого общества. «Пражская весна 1968 г. явилась не просто конкретно-историческим феноменом, а возымела более глубокий смысл, символизируя возникновение в восточноевропейском коммунистическом движении 1960-х годов некоего творческого начала, способного придать ему новый импульс на основе симбиоза социалистических ценностей с рациональной экономикой и современными достижениями развитой демократии», — справедливо пишут А.С. Стыкалин и В.В. Волобуев в недавно вышедшем обобщающем труде [Всемирная история, т. 6, кн. 2, с. 283].

Судя по дневникам и воспоминаниям деятелей отечественной культуры, из всех событий 1968 года наибольший отклик вызвало у них вторжение советских войск в Чехословакию. Ясно, что в условиях тотальной государственной цензуры могли быть опубликованы лишь суждения, строго соответствующие официальному объяснению произошедшей акции. Но все же 1968 год — это не 1938-й, и свободно думающие люди могли записывать в дневник, вероятно, без особой надежды на публикацию, свои размышления. Вот записи Игоря Дедкова, литературного критика, автора «Нового мира», называвшего позже себя «шестидесятником из провинции» и, кстати, высоко ценившего ростовских писателей Виталия Семина и Леонида Григорьяна. 17 марта 1968 г.: «Обступает другое, сегодняшнее: перемены в Чехословакии, студенческие демонстрации в Польше, и жаль, что это недоступно нам, у нас не мыслимое, хотя и более необходимое, чем там». 21 апреля 1968 г.: «Происходит “обострение идеологической борьбы”, и необходимо “разоблачение происков”. Незначительная переделка старой формулы “обострения классово-идеологической борьбы”. Меня уже разоблачали, но первая попытка связать мои писания с польскими событиями окончилась неудачно для организаторов сего благородного дела». 5 мая 1968 г.: «Беда в этом ночном налете (речь идет о вторжении сотрудников КГБ в квартиру журналиста В. Малышева — *P.A., B.C.*), исполненном в традициях незабвенного 37-го года. Отвратительно всякое возрождение, даже

приблизительное, этих традиций! Подслушивание, подглядывание, доносительство — это первейшие признаки слабости и глубокого, не искорененного за полвека недоверия к народу, именем которого клянемся на каждом шагу. И рядом пример Чехословакии, где наказывают виновных в репрессиях, объявляют преступной систему микрофонов, отменяют цензуру. Некоторым образом это унижает русскую нацию, которая так послушна и несамостоятельна...» 15 июля 1968 г.: «То, что происходит, отвратительно. Империя не хочет распада. Дойдет ли дело там до оружия?» 21 августа 1968 г.: «Исторический день. Войска введены в Чехословакию. Нам стыдно, но мы беспомощны. Таких, как мы, никто не спрашивает. Эти люди знают все. Мы просто подчиненные. Над чехом смеются и издеваются все, кому не лень, — первейшие обыватели, первейшие рабы, к коммунизму отношения никогда не имевшие. Дождались». 24 августа 1968 г.: «Печальные дни. Мы возвращаемся к сталинским временам. То, что произошло в Чехословакии, отбрасывает нас к тридцать девятому году. Эти дни указывают всему (в том числе искусству) истинную цену. И она ничтожна». 5 декабря 1968 г.: «Поразительно, каким диким неостывающим страхом проникнуты наши власти! Каждый пункт правил, по которым устроена наша жизнь, во всех ее проявлениях, продиктован этим страхом. Мужество, величие, командирские интонации, уверенность, непоколебимость — и все качества Труса». 9 декабря 1968 г.: «Чехословацкий эксперимент подходит к концу. Развеяна еще одна иллюзия. И никаких надежд. Гиппопотамы торжествуют. Носороги» [Дедков, 2005, с. 105, 106, 109, 111].

События 1968 г. «аукнулись» и в жизни таких искренних людей, как Игорь Дедков, и таких известных ученых, как Ю.М. Лотман. Не будучи никогда диссидентами, Ю.М. Лотман и его соратники, как пишет его многолетний коллега и друг Б.Ф. Егоров, «отличались открытостью и откровенностью. Резко отрицательное отношение к оккупации Чехословакии в 1968 г. и к политическим процессам над инакомыслящими писателями внутри страны, в Москве и Ленинграде (в 1964 г. — над И. Бродским, в 1966 г. — над А. Синявским и Ю. Даниэлем) трудно было скрыть. Это настораживало соответствующие органы, началась слежка» [Егоров, 1999, с. 160]. Позже, в январе 1970 г., после визита к Лотманам Натальи Горбаневской (одной из тех, кто в 1968 г. протестовал на Красной площади против советской интервенции в Чехословакию) в квартире ученого был произведен обыск. Б.Ф. Егоров вспоминает, как филолог Е.Г. Эткинд «переиначил» применительно к Тартуской школе известное определение Пражской весны («социализм с человеческим лицом») и назвал эту школу «Структурализм с человеческим лицом» [Егоров, 1999, с. 164].

Как бы ни шутили представители советской интеллигенции, но все они понимали, что оккупация Чехословакии окончательно развеяла иллюзии о возможности построения демократического социализма, общества, где не будут подавляться свобода слова и совести, да и все другие права человека. Поэтому и через полвека 1968 год предстает в памяти многих мыслящих представителей отечественной науки и культуры как определенный рубеж. Это был конец «оттепели», наивно-романтических иллюзий, окончание того, примерно 10–12-летнего, периода, когда звучал,

говоря словами Булата Окуджавы, «надежды маленький оркестрик под управлением любви».

А вот дневниковая запись Марка Харитонов, сделанная 16 февраля 1985 г. Писатель рассказывает о своем визите к доброму знакомому, известному историку и культурологу Г.С. Кнабе, и фиксирует имевший место разговор: «О переломе в традиции русской литературы, которая полтора века видела свою честь и назначение в противостоянии властям; теперь это себя исчерпало, обсуждается более глубокая возможность жизненного самоосуществления независимо от обстоятельств... О том, что 60-е годы (которые он определяет периодом 1955–1968 с небольшим “последствием”) сейчас раскрывают себя как “великая эпоха культуры”, смысл которой, среди прочего, в поисках более непосредственных, неофициальных возможностей жизни; ее приметы – хиппи, битлы, Франсуаза Саган, дешевые химические материалы, экономический расцвет, политические надежды. Начало этого периода совпало с XX съездом, конец – с распадом группы Beatles, оккупацией Чехословакии, парижскими баррикадами» [Харитонов, 2002, с. 206].

Вспоминает о событиях 1968 г. и Василий Аксенов в своем написанном почти через сорок лет романе «Таинственная страсть» (по существу – романизованных мемуарах, в которых известные писатели и деятели искусства выступают под узнаваемыми псевдонимами). Любопытны в изображении автора все оттенки реакции «прогрессивной» (и не «прогрессивной»!) творческой интеллигенции на поступающие, в том числе и по «голосам», сообщения об интервенции войск государств Варшавского договора в Чехословакию. Для нас, живущих в Ростове-на-Дону и связанных судьбой с университетом, особый интерес представляет рассказ Аксенова (по роману – Ваксона) об их совместном с Булатом Окуджавой (в романе он – Кукуш) выступлении осенью 1968 г. в РГУ. «В университете царила какая-то перепуганная беготня, как будто к городским рубежам подходила Добровольческая армия. Амфитеатр был полон, или, лучше сказать, битком набит. Московские гости завели разговор на сугубо литературные темы. Последовало несколько филологических вопросов. Потом кто-то попросил Кукушу спеть... [...] Вдруг по рядам как будто швабра прогулялась; прошла полоса искаженных черт, в конце которой вздыбился могучий казак из преподавательского состава. Он задал кардинальный вопрос: “А вот скажите-ка, московские писатели, как вы относитесь к вводу наших войск в Чехословакию?” И вновь, как вчера, возникает какой-то специфический ростовский феномен – хаотическое бурление толпы. Ректор быстро поднимает и медленно опускает обе руки, как бы говоря: спокойно, товарищи! Не нужно так реагировать на сугубо академический вопрос. Зал затихает, и в наступившей тишине Кукуш Октава произносит свой ответ: “Лично я считаю ввод войск в Чехословакию большой политической ошибкой”. За этими словами следует взрыв, уже не просто хаотический, но скорее землетрясительный. Со всех сторон амфитеатра гремит или визжит слово “Позор!” Трудно понять, кому оно адресовано: советской ли армии или Кукушу Октаве, позорному либералу и пораженцу?» [Аксенов, 2015, с. 434–435]. К сожалению, нам не удалось найти свидетелей выступления Василия Аксенова

и Булата Окуджавы в Ростовском университете. Было бы, несомненно, интересно сопоставить «романизированный» вариант этого события с воспоминаниями непосредственно слушателей.

События 1968 года, «похоронившие» в Советском Союзе не только последние ростки «оттепели», но и всякие надежды на демократические реформы, несомненно, по-разному воспринимались относительно узкими кругами свободно мыслящей интеллигенции и большинством населения, находившегося в плену официальной пропаганды. Впрочем, и сегодня иные «пропагандисты» пытаются вернуться к прежней трактовке чехословацких событий и пересмотреть их официальную оценку, данную в заявлении советского руководства конца 80-х гг. XX в.

Как уже было сказано, важно проследить и влияние событий 1968 года на гуманитарную науку, литературу и искусство стран Запада. Это очень интересная и масштабная тема, которую невозможно проанализировать в рамках одной статьи. Речь идет отнюдь не только об отражении событий 1968 года в трудах по истории, политологии, культурологии и другим гуманитарным дисциплинам. Главное в другом: стал меняться сам характер гуманитарного знания, сама проблематика исторических исследований. Вероятно, можно говорить о том, что произошла *демократизация гуманитарных наук*. Это выразилось и в развитии т.н. устной истории, в попытках не принадлежащих к профессиональному цеху людей создавать исторические работы и, что более важно, в стремлении ученых-профессионалов писать исследования, которые заинтересуют и будут прочитаны не узким кругом коллег, а гораздо более широкой публикой. Отсюда – интерес к «человеку в истории», к изучению повседневной жизни, «казусов» и пр. Неслучайно даже ученые, преимущественно занимающиеся средневековой историей, например, Карло Гинзбург, упоминают о влиянии 1968 года на их творчество [Гинзбург, 2004, с. 13–14].

Об отражении событий 1968 года в литературе и искусстве немало уже написано. Многие очень известные авторы откликнулись на происходящее: французские писатели Паскаль Лене и Фредерик Бегбедер, американские поэты Аллен Гинзберг и Джим Моррисон, аргентинский классик Хулио Кортасар, чешский писатель Милан Кундера и др. Даже в современной России появились отдельные номера журналов, посвященные проблеме 1968 года. Так, на обложку номера журнала «Иностранная литература» (№ 3, 1994) помещен фрагмент картины Эжена Делакруа «Свобода на баррикадах» и вынесены слова «Запад: сны 68-го». А несколько месяцев назад вышел журнал «Знамя» (№ 8, 2018), на обложке которого обозначена тема номера «Памяти оттепели» и есть раздел «Однажды в 1968-м». Очень интересно было бы проследить и влияние 1968 года на мировой кинематограф. Возможно, одним из самых ярких примеров является в данном случае творчество итальянского режиссера Бернардо Бертолуччи (1941–2018 гг.) с его повышенным интересом к ранее табуированным формам сексуальности (гомосексуальность, триолизм и даже инцест), с его героями, не приемлющими лицемерных условностей буржуазной морали («Последнее танго в Париже», 1972). Непосредственно к событиям 1968 года Б. Бертолуччи обратился в более позднем (2003) фильме «Мечтатели», в котором

«сексуальная революция» происходит в дни «Красного мая» в отдельно взятой парижской квартире. Возможно, наш журнал еще вернется к этой интереснейшей теме – влиянию 1968 года на мировую культуру.

Подчеркивая существенное влияние событий 1968 года на развитие мировой цивилизации, нельзя не констатировать того вполне очевидного обстоятельства, что воздействие этих событий, как и любого масштабного явления, имело не только позитивные, конструктивные последствия, но и явно негативные, деструктивные. Если исследователь стремится к объективности, он не должен об этом забывать, идет ли речь о процессе т.н. «деэтатизации», о взаимоотношениях людей разных поколений, о новых явлениях в сфере духовной и интеллектуальной культуры или о «сексуальной революции». Новые социальные потрясения во Франции в конце ноября 2018 г. свидетельствуют о том, что уроки «Красного мая» 1968 года остаются и сегодня злободневными.

В предлагаемом нами номере помещены материалы о 1968 годе (статьи, воспоминания, интервью), авторами которых являются люди разных взглядов, что принципиально важно для журнала, и, что тоже весьма любопытно, представители нескольких (пожалуй, четырех!) поколений. Возрастная дистанция между теми авторами, кто был, так скажем, активными свидетелями событий 1968 года, и совсем молодыми исследователями (из НИУ ВШЭ) составляет около 60 лет! Это говорит о том, что «проблема 1968 года» остается в кругу тех вопросов всемирной истории, которые продолжают волновать ученых, независимо от их убеждений, национальности и даже возраста.

Раздел «Тема номера» открывают три статьи, посвященные событиям во Франции. В исследовании А.В. Шубина дается обзор предпосылок движения и действий (как участников протеста, так и властей) в Париже и других городах страны во время «Красного мая». Автор высказывает свои соображения по поводу характера этих событий и корректности использования термина «революция» применительно к их оценке. Тему продолжают работы молодых московских исследователей П.Я. Безруковой и А.Ю. Веревкина. П.Я. Безрукова, справедливо указывая на значение не только письменных, но также визуальных и аудиальных источников для изучения майских событий 1968 г. во Франции, анализирует разнообразные изобразительные материалы (карикатуры в журналах, плакаты и граффити с лозунгами и пр.), что позволяет ей сделать вывод о существенной роли подобных средств выражения социального протеста. А.Ю. Веревкин прослеживает эволюцию взглядов известного французского политика Мишеля Рокара – от левого радикализма в период «Красного мая» 1968 г. до реформизма парламентского типа в условиях спада революционной активности, что позволило М. Рокару, как и ряду других участников майских событий, естественным образом «вписаться» в государственные структуры, а самому Рокару – даже занять пост премьер-министра.

Три статьи связаны с событиями в Чехословакии – «пражской весной» и последующим вводом войск пяти государств Организации Варшавского договора в

эту страну. А.С. Стыкалин в своем исследовании подробно анализирует позицию Румынии в этих событиях и отражение данного конфликта в советско-румынских отношениях. Другой и несколько неожиданный аспект проблемы рассматривает А.А. Фокин. Предметом его анализа является советский политический фольклор — преимущественно анекдоты конца 60-х гг. о событиях в Чехословакии. При этом автор затрагивает и теоретические (источниковедческие) вопросы, связанные с использованием подобных источников в исторических исследованиях. В статье Д.Д. Челпановой рассматривается ранее не изученный аспект чехословацкого кризиса — безвозвратные военные потери южных регионов СССР.

Два исследования этого номера, публикуемые в разделе «Статьи и сообщения», также имеют определенное отношение к «проблеме 1968 года»: это статья Е.А. Казакова о немецком мыслителе Вольфганге Абендроте и Марбургской школе политологии и работа В.Н. Сергеева о «левых диссидентах» периода Оттепели, в которых автор видит советский вариант европейских «новых левых». Надеемся, что исследования предлагаемого читателям номера, наряду с материалами дискуссии, внесут скромный вклад в изучение того комплекса вопросов, который именуют «проблемой 1968 года».

Завершая редакционную статью, мы хотели бы присоединиться к поздравлениям в адрес юбиляра — нашего коллеги из Венского университета профессора Андреаса Каппелера, известного специалиста по истории казачества, члена Редакционного совета журнала «Новое прошлое / The New Past», и пожелать ему здоровья и новых творческих свершений!

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В.П. Таинственная страсть: роман о шестидесятниках / Авторская версия. М.: ИП Бирюкова О.А., 2015. 671 с.

Антропология революции / Сб. статей. Сост. и ред. И. Прохорова, А. Дмитриев, И. Кукулин, М. Майофис. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 485 с.

Бовуар С. Второй пол. СПб.: Азбука, 2017. 926 с.

Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 975 с.

Всемирная история. В 6-ти т. / отв.ред. А.О. Чубарьян. Т. 6. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций. Кн. 1–2. М.: Наука, 2017–2018. 690 с., 642 с.

Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. М.: Новое издательство, 2004. 347 с.

Дедков И.А. Дневник. 1953–1994. М.: Прогресс-Плеяда, 2005. 791 с.

Егоров Б.Ф. Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 383 с.

- Жижек С. Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы. М.: Изд-во «Европа», 2011. 476 с.
- Знамя: Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. 2018, № 8. 240 с.
- Иностранная литература: Ежемесячный литературно-художественный и публицистический журнал. 1994, № 3. 224 с.
- Курлански М. 1968. Год, который потряс мир. М.: АСТ, Владимир: ВКТ, 2008. 543 с.
- Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
- Пятигорский А.М. Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 590 с.
- Рохас К. Историография в 20 веке: История и историки между 1848 и 2025 годами. М.: Кругъ, 2008. 163 с.
- Смирнов В.П. Новейшая история Франции. 1918–1975. М.: Высшая школа, 1979. 376 с.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 488 с.
- Харитонов М.С. Стенография конца века. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 447 с.
- Fink C., Gassert P., Junker D. 1968: *The World Transformed*. N.Y.: Cambridge University Press, 1998. 504 p.
- Horn G.-R. *The Spirit of '68. Rebellion in Western Europe and North America, 1956–1976*. N.Y.: Oxford University Press, 2007. 254 p.
- Marwick A. *The Sixties: Cultural Revolution in Britain, France, Italy, and the United States*. Oxford: Oxford University Press, 1998. 903 p.
- Singer D. *Prelude to Revolution. France in May 1968*. Cambridge: South End Press, 2002. 504 p.
- Tismaneanu V. *Promises of 1968: Crisis, Illusion, and Utopia*. Budapest: Central European University Press, 2011. 499 p.

REFERENCES

- Aksenov V.P. *Tainstvennaya strast': roman o shestidesyatnikakh / Avtorskaya versiya* [Mysterious passion: a novel about hexadecimists / Author's version]. М.: IP Biryukova O.A., 2015. 671 p. (in Russian).
- Antropologiya revolyutsii* [Anthropology of revolution] / Sb. statey. Sost. i red. I. Prokhorova, A. Dmitriyev, I. Kukulin, M. Mayofis. М.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2009. 485 p. (in Russian).
- Beauvoir S. *Vtoroy pol* [The Second Sex]. SPb.: Azbuka, 2017. 926 p. (in Russian).

- Boltanski L., Chiapello E. *Novyy dukh kapitalizma* [The New Spirit of Capitalism]. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2011. 975 p. (in Russian).
- Vsemirnaya istoriya. V 6-ti t.* World History. In 6 volumes / otv.red. A.O. Chubar'yan. Vol. 6. Mir v KHKH veke: epokha global'nykh transformatsiy. Kn. 1–2. M.: Nauka, 2017–2018. 690 p., 642 p. (in Russian).
- Ginzburg K. *Mify – emblemy – primety: Morfologiya i istoriya* [Myths – emblems – signs: Morphology and history]. M.: Novoye izdatel'stvo, 2004. 347 p. (in Russian).
- Dedkov I.A. *Dnevnik. 1953–1994* [Diary. 1953–1994]. M.: Progress-Pleyada, 2005. 791 p. (in Russian).
- Yegorov B.F. *Zhizn' i tvorchestvo YU.M. Lotmana* [Life and work of Yu.M. Lotman]. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 1999. 383 p. (in Russian).
- Zhizhek S. *Razmyshleniya v krasnom tsvete: kommunisticheskiy vzglyad na krizis i soputstvuyushchiye predmety* [Reflections in red: a communist view of the crisis and related subjects]. M.: Izd-vo "Yevropa", 2011. 476 p. (in Russian).
- Znamya: Yezhemesyachnyy literaturno-khudozhestvennyy i obshchestvenno-politicheskiy zhurnal* [Znamya: Monthly literary-artistic and socio-political magazine]. 2018. № 8. 240 p. (in Russian).
- Inostrannaya literatura: Yezhemesyachnyy literaturno-khudozhestvennyy i publitsisticheskiy zhurnal* [Foreign Literature: Monthly literary, artistic and journalistic journal]. 1994. № 3. 224 p. (in Russian).
- Kurlanski M. *1968. God, kotoryy potryas mir* [1968. The year that shook the world]. M.: AST, Vladimir: VKT, 2008. 543 p. (in Russian).
- Marcuse H. *Odnomernyy chelovek. Issledovaniye ideologii razvitygo industrial'nogo obshchestva* [One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society]. M.: REFL-book, 1994. 368 p. (in Russian).
- Pyatigorskiy A.M. *Izbrannyye Trudy* [Selected works]. M.: Shkola "YAzyki russkoy kul'tury", 1996. 590 p. (in Russian).
- Rojas C. *Istoriografiya v 20 veke: Istoriya i istoriki mezhdru 1848 i 2025 godami* [Historiography in the 20th century: History and historians between 1848 and 2025]. M.: Krug, 2008. 163 p. (in Russian).
- Smirnov V.P. *Noveyshaya istoriya Frantsii. 1918–1975* [Newest history of France. 1918–1975]. M.: Vysshaya shkola, 1979. 376 p. (in Russian).
- Foucault M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. M.: Progress, 1977. 488 p. (in Russian).
- Kharitonov M.S. *Stenografiya kontsa veka* [Stenography of the end of the century]. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2002. 447 p. (in Russian).
- Fink C., Gassert P., Junker D. *1968: The World Transformed*. N.Y.: Cambridge University Press, 1998. 504 p.
- Horn G.-R. *The Spirit of '68. Rebellion in Western Europe and North America, 1956–1976*. N.Y.: Oxford University Press, 2007. 254 p.

Marwick A. *The Sixties: Cultural Revolution in Britain, France, Italy, and the United States*. Oxford: Oxford University Press, 1998. 903 p.

Singer D. *Prelude to Revolution. France in May 1968*. Cambridge: South End Press, 2002. 504 p.

Tismaneanu V. *Promises of 1968: Crisis, Illusion, and Utopia*. Budapest: Central European University Press, 2011. 499 p.